

Лу Тайхун поспешно поднялся, намереваясь опуститься на колени, но Цзо Хунцю его остановила:

— Старец Лу, не стоит.

— Эта ничтожная душа не знала, что пожаловала сама княгиня, прошу простить мою неучтивость и наказать меня, — всё так же почтительно произнес Лу Тайхун.

Его старший ученик, стоявший позади, в этот момент опустился на колени с таким усердием, что едва не выбил искры из пола. Стоило ему вспомнить, как он только что пытался выставить гостей за дверь, как его тут же бросило в холодный пот.

— О чем вы говорите? Старец Лу повсюду славится своим искусством врачевания, милосердием и способностью спасать жизни. Мой визит вызван лишь желанием лично засвидетельствовать ваше мастерство.

— Вы слишком добры, княгиня. Я лишь человек, который десятилетиями старался добросовестно делать одно дело.

Цзо Хунцю поспешно велела старшему ученику встать, и они снова расселись.

— Княгиня, возможно, вы не знаете, но ваше имя уже вовсю гремит в медицинских кругах столицы. Если бы я знал, что это вы почтили Зал Сотни Трав своим визитом, я бы ни за что не позволил себе так задержаться с приветствием.

— О? Но я ведь ничего особенного не сделала.

— Два дня назад болезнь князя Хуай-вана отступила именно благодаря вашему чудесному исцелению. Слуги из его резиденции, приходя за лекарствами, только о вас и говорят, как же нам было не узнать? Стыдно признаться, но в тот день я был на выезде за городом, и вместо меня отправился этот мой бестолковый ученик. Он не смог определить истинную причину недуга, из-за чего князь Хуай-ван едва не отправился к праотцам. Позже я через знакомых раздобыл рецепт, который вы оставили в Резиденции Хуай-вана. Взглянув на него, я сразу понял, что ваши знания и кругозор выходят за рамки обычного: лишь человек великой мудрости осмелится на такое лечение. Я как раз искал повода поучиться у вас, и вот вы сами посетили нас. Мы же вели себя столь невежливо, это воистину наша вина.

Старший ученик Лу Тайхуна лично проверял пульс Хуай-вана и прекрасно знал, насколько тяжелым было его состояние. Но эта выглядящая молодой, чистой и изящной княгиня поступила вопреки всему, прописав такую дозу ревеня, которую побоялся бы использовать любой другой врач, и именно это вырвало Хуай-вана из когтей смерти. Одно лишь это мужество заставило взрослого мужчину почувствовать стыд за собственную профессиональную некомпетентность.

Теперь он смотрел на Цзо Хунцю с еще большим благоговением, окончательно признав в ней

мастера медицины, равного его учителю.

— Старец Лу, я не заслуживаю таких похвал. Я пришла сегодня главным образом из-за болезни моего супруга, — прямо сказала Цзо Хунцю, ничего не скрывая.

Лу Тайхун задумчиво произнес:

— Что до болезни Девятого вана, я ранее осматривал его и выписывал множество лекарств. Прошу прощения за прямоту, но семь десятых его болезни кроется в душевном расстройстве, и одними отварами здесь не помочь.

Цзо Хунцю кивнула. Этот прославленный врач воистину оправдывал свою репутацию.

— Резиденция каждые несколько дней закупает здесь лекарственные травы. Кто из ваших людей отвечает за доставку?

Лу Тайхун взглянул на старшего ученика — сам он занимался только лечением и не вникал в подобные детали.

Увидев, что Цзо Хунцю ждет ответа, старший ученик поспешно выступил вперед:

— Княгиня, курьеры не закреплены строго, но обычно заказы развозят двое-трое человек по очереди.

— Понимаю. Скажите, есть ли вероятность, что по пути лекарства могли подменить или испортить?

Этот вопрос ошеломил Лу Тайхуна. Неужели княгиня намекает, что лекарство, которое Девятый ван принимал в последнее время, было отравлено?

Старший ученик поспешно замахал руками:

— Это невозможно! Мы постоянно доставляем лекарства в знатные дома. Чтобы избежать подобных случаев, в Зале Сотни Трав мы тщательно упаковываем всё в специальные ящики. У ящика два ключа: один остается у нас, второй — в аптекарской палате вашей резиденции. Сами травы мы заворачиваем в вощеную бумагу и проклеиваем края так крепко, что если бы их вскрыли по пути, следы остались бы обязательно.

— Более того, при фасовке для знатных господ нас всегда двое или трое, мы следим друг за другом, чтобы не возникло ошибок с весом или составом. Мы всего лишь аптека и не хотим навлечь на себя неприятности с законом.

Цзо Хунцю кивнула. Похоже, с аптекой проблем быть не должно.

Видя, что княгиня не хочет вдаваться в подробности, Лу Тайхун и остальные не стали расспрашивать. После того как они еще немного обсудили недавний случай потери сознания, Цзо Хунцю поднялась:

— Я хотела бы составить рецепт для моего мужа. Если удобно, не могли бы вы проводить меня в аптекарское отделение?

— Конечно, я сам провожу вас, княгиня.

— Не нужно утруждать старца Лу, пусть меня проводит ваш старший ученик, если он свободен.

— Свободен, конечно свободен! — поспешно отозвался тот.

Цзо Хунцю последовала за учеником в аптеку Зала Сотни Трав. Внутри царил суета: поскольку больных было много, ежедневно выдавалось около ста цзиней лекарств. Помещение казалось небольшим, но это не учитывало тех, кто постоянно находился в разъездах, закупая новые травы.

Цзо Хунцю назвала несколько возбуждающих аппетит ингредиентов, и ученик быстро собрал и упаковал их с мастерством, достойным восхищения.

— Как в Зале Сотни Трав хранятся ядовитые травы? — спросила она.

— Если врач действительно прописал что-то ядовитое для лечения, курьер всегда повторно сверяется с ним, а затем делает запись в журнале, — почтительно ответил ученик. — Если же кто-то приходит покупать такие снадобья отдельно, он обязан предъявить рецепт с именем врача, после чего мы берем с покупателя расписку. К тому же все ядовитые травы хранятся отдельно и под строгим присмотром.

— Понятно. Похоже, в Зале Сотни Трав к этому относятся весьма серьезно.

— Именно так, княгиня. Лекарство может как спасти, так и убить. Мы ведем себя так, потому что однажды уже обожглись и получили судебный иск. Умный учится на ошибках.

— Хорошо, я поняла. Цзы Хань, заплати.

Цзы Хань уже достала деньги, но ученик поспешно ее остановил:

— Княгиня, этот сбор стоит сущие гроши, забирайте так.

— Так нельзя. Не хочу, чтобы вам пришлось доплачивать из своего кармана, ваш труд нелегок, и это несправедливо.

Ученик, не сумев отказаться, принял деньги и с извиняющимся видом сказал:

— Спасибо за ваше понимание, княгиня.

Узнав, что Цзо Хунцю собирается уходить, Лу Тайхун поспешил к выходу, чтобы с почтением проводить её. Уже перед тем, как сесть в карету, Цзо Хунцю сказала Линь Цин:

— Останься здесь. Сделай копии всех счетов, касающихся нашей резиденции за последние годы, и привези их.

— Слушаюсь, княгиня.

— Княгиня, возвращаемся в резиденцию? — Дин Эр закрыл дверцу кареты и почтительно спросил.

Цзо Хунцю взглянула на этого довольно опрятного кучера и задумчиво произнесла:

— Не спеши. Раз уж выбрались, я хочу заехать в свой частный дом. Езжай в восточную часть города, там я скажу, куда повернуть.

Дин Эр поклонился:

— Слушаюсь, княгиня.

Цзы Хань в этот раз по-настоящему оценила способности этой барышни. Раньше она терзалась тревогой и досадой из-за того, что ей пришлось прислуживать подставной госпоже, но теперь искренне радовалась: с таким мастером медицины ее жизни точно ничего не угрожает.

— Госпожа, у вас есть дом в восточной части города? — Цзы Хань осторожно взглянула на Цзо Хунцю. Они были знакомы совсем недолго, и служанка пыталась наладить контакт.

Цзо Хунцю улыбнулась:

— Да, приобрела его много лет назад, но давно не заглядывала.

Цзы Хань лишь ответила коротким о-о. Так как Цзо Хунцю не была настроена на беседу и смотрела в окно, в карете воцарилась тишина, заставившая Цзы Хань нервничать.

Из-за размытой дороги карета двигалась медленно. Примерно через полчаса, по указанию Цзо Хунцю, она остановилась перед мрачным особняком.

Цзы Хань первой выскочила из кареты и помогла спуститься госпоже. Деревья в саду были необычайно высокими. Весна еще не успела их оживить, поэтому голые, корявые ветви напоминали чьи-то когти. Порыв холодного ветра унес остатки сухих листьев, создавая

атмосферу угрюмой торжественности.

По знаку Цзо Хунцю, дрожа от страха, Цзы Хань подошла к воротам и постучала. Вскоре изнутри послышались шаги. Со скрежетом открылась заржавевшая железная калитка.

Цзы Хань едва не села на землю от испуга, когда из-за ворот вышли два здоровенных, совершенно одинаковых верзилы, похожих на стражей храма, с такими свирепыми лицами, словно они собирались их съесть. Цзы Хань не выдержала и вскрикнула, собираясь бежать.

— Го-госпожа... мы, наверное, не туда приехали?

Цзо Хунцю ободряюще коснулась дрожащего плеча Цзы Хань и улыбнулась:

— Загоняйте карету во двор.

Два охранника почтительно поклонились:

— Слушаемся.

Это зрелище ошеломило Цзы Хань. Она хлопала глазами, глядя на Цзо Хунцю так, будто видела её впервые в жизни.

— Чего застыла? Идем внутрь.

Цзы Хань очнулась и поспешила следом за белым платьем барышни. Она ожидала увидеть за обшарпанными стенами заваленный листвой и льдом двор, но внутри было на удивление чисто: снег был аккуратно счищен, а остатки сугробов сложены по углам.

Карета под руководством громил остановилась в центре двора. Дин Эр привязал поводья к дереву и спрыгнул на землю с таким же ошарашенным видом. Он и представить не мог, что эта барышня из семьи Цзо, только что вышедшая замуж за князя, владеет таким огромным домом. Видимо, семья Цзо не была такой уж честной и небогатой, как казалось.

Цзо Хунцю посмотрела на Дин Эра, и ее голос внезапно стал ледяным:

— Взять его.

Два здоровяка тут же бросились вперед и прижали ошеломленного Дин Эра к земле, словно цыпленка. Тот закричал:

— Княгиня, спасите меня! Княгиня, спасите!

Видя, как Дин Эра втоптали в грязь эти свирепые люди, Цзы Хань от страха лишилась ног и

повалилась на колени, умоляя о пощаде:

— Прошу, госпожа, не продавайте меня в публичный дом! Я больше никогда не буду думать о госпоже Цяолянь!

Цзо Хунцю насмешливо посмотрела на нее:

— А когда я говорила, что хочу продать тебя в бордель?

Цзы Хань подняла заплаканное лицо и, указывая на Дин Эра, всхлипнула:

— Дин Эр такой опрятный, разве вы задержали его не для того, чтобы сделать своим любовником?

Цзо Хунцю не нашлась, что ответить на столь бурную фантазию служанки. Она махнула рукой:

— Вставай. Ты моя личная служанка, тебя я точно не продам.

Цзы Хань рассмеялась сквозь слезы, поднялась и смущенно опустила голову.

— Дин Эр, хватит орать. Есть вещи, о которых знаем только ты, я и небо, нет нужды притворяться невинным, — Цзо Хунцю посмотрела на извивающегося кучера. — Уведите, я сама его допрошу.

— Слушаемся, глава.

— Цзы Хань, подожди меня в комнате для прислуги, я скоро вернусь.

— Д-да, конечно, госпожа! — Цзы Хань, не смея задавать лишних вопросов, поспешно закивала.

Когда Цзо Хунцю скрылась в конце коридора, Цзы Хань в растерянности замерла у двери. Еще до того как она опустилась на колени, она отчетливо почувствовала исходящую от госпожи жажду убийства. Это напомнило ей, как повар в поместье Цзо готовился зарезать курицу: в его глазах тогда не было ни капли сострадания. Она испугалась до глубины души, а теперь, вспоминая это, чувствовала, как бешено колотится сердце.

Хотя рядом никого не было, Цзы Хань не решалась даже пошевелиться. Она не знала, какие еще тайны скрывает этот тихий с виду двор, и не хотела так быстро превратиться в «жертвенное мясо». Лучше всего было тихо ждать.

В темной комнате Дин Эра раздели и приковали к заржавевшему железному каркасу. От ледяного холода его тут же начало бить дрожью, лицо стало смертельно бледным. Вскоре в комнате разожгли жаровню, и красный свет, отразившийся на его теле, принес немного

облегчения. Два охранника, похожие на башни, молча стояли по бокам, ожидая приказов.

— Дин Эр, возможно, это не твое настоящее имя, но это неважно. Когда ты поступил в резиденцию? — спросила Цзо Хунцю, как будто вела обычную светскую беседу.

Дин Эр уставился на княгиню, сидевшую недалеко от него. В день свадьбы барышни из семьи Цзо он был в составе свадебного кортежа. Все вокруг говорили, что барышне не повезло — вышла замуж за болезненного князя. Он тоже посмеивался вместе со всеми, но из-за красной фаты лица невесты так и не увидел. А когда княгиня собралась выезжать, дворецкий велел ему стать кучером. Он и подумать не мог, что она с самого начала искала повода с ним разделаться.

— Я поступил в резиденцию год назад, — опустив голову, ответил он. Все в доме знали об этом, скрывать было бессмысленно.

— Чем ты занимался до этого? — небрежно поинтересовалась Цзо Хунцю.

— Жил в родных краях, в Цзянхуае, занимался земледелием. Потом решил попытать счастья в столице, вот и нанялся в резиденцию.

— Значит, ты обычный крестьянин?

Дин Эр кивнул:

— Так и есть.

— Тогда ответь мне: каков урожай с одного му земли за год?

Сердце Дин Эра екнуло, но он притворился спокойным:

— Примерно двести цзиней.

Цзо Хунцю с усмешкой посмотрела на него:

— Цзянхуай — край изобилия, там собирают два урожая риса в год, и с одного му выходит минимум четыреста цзиней. Твои двести цзиней — это что, с солончаков?

Дин Эр замялся и был вынужден ответить:

— Именно так, именно так.

Цзо Хунцю резко ударила по столу:

— Хватит! Не притворяйся знатоком, если никогда не держал плуга. Откуда в Цзянхуае солончаки? Да и посмотри на свои руки — длинные, нежные, кожа гладкая, ни одной мозоли. Ты в резиденции меньше года, даже если бы ты не работал в поле, мозоли бы не сошли так быстро.

Поняв, что ложь разоблачена, Дин Эр покрылся мелким потом, но все еще надеялся на удачу:

— Ну и что, что я скрыл происхождение? Я целый год работал не покладая рук, лошади ухожены и сыты, в чем моя вина?

Цзо Хунцю знала, что такие люди до последнего не признаются. Она слегка улынулась и кончиками пальцев покрутила бледно-зеленую травинку:

— Видел это раньше?

Дин Эр, полуголый, едва согретый огнем, при виде цветка хуаси в руках Цзо Хунцю почувствовал, как сердце проваливается в ледяную бездну.

Видя, что он дрожит и молчит, Цзо Хунцю холодно произнесла:

— Эта трава хуаси мягкая и прочная, из нее отлично плетут изящные браслеты. А у тебя такие ловкие руки, поэтому каждые несколько дней ты плел их для Линьлан. Она в том возрасте, когда сердце жаждет любви, и раз ты был так услужлив, она не могла отказаться, да и носила их, не снимая. Всё шло точно по твоему расчету.

Цзо Хунцю поднялась, продолжая наматывать траву на палец:

— Ты хорошо знаешь свойства хуаси. Внешне она не отличается от обычной травы, но после высыхания кожица начинает крошиться. Линьлан, конечно, этого не замечала, но ведь она работает в аптекарской палате и ежедневно готовит отвары. В процессе приготовления частицы хуаси неизбежно попадали в лекарство, которое пил князь.

— Сок хуаси — страшный яд. Ты выбрал этот способ, чтобы князь умирал медленно. Даже если бы он скончался, врачи решили бы, что причина в старой болезни, и ни капли не заподозрили бы тебя. Дин Эр, отличный план.

Дин Эр опустил голову, в его душе бушевал шторм. Хуаси — редкое ядовитое растение, обычные люди даже названий таких не слышали, а она говорила о ней как о чем-то хорошо знакомом. Как простая барышня из чиновничьей семьи могла столько знать?

Но Цзо Хунцю не дала ему времени на раздумья. В её глазах застыл холод:

— Ты хочешь жить или умереть?

— Умереть просто. За двором есть сухой колодец, перерезать тебе горло и сбросить туда — дело минуты. Никто не узнает, что кучер пропал. А я всегда найду, что сказать в оправдание. Кто

станет докапываться? — взгляд Цзо Хунцю скользнул по его колеблющемуся лицу. — Для меня это лишь значит, что я чуть позже узнаю имя твоего господина. Но для тебя всё иначе: жизнь оборвется прямо здесь, а ведь ты еще не нажился, верно?

Дин Эр всё еще колебался, оценивая последствия подчинения.

Цзо Хунцю, теряя терпение, снова ударила по столу:

— Довольно. У меня нет времени с тобой нянчиться. Стражники, уводите его, сверните шею и бросьте в колодец.

Двое громил, до этого стоявших рядом, тут же откликнулись. Они развязали цепи и, схватив Дин Эра, как щенка, потащили к выходу. Дин Эр в ужасе закричал:

— Хочу жить! Я хочу жить!

Цзо Хунцю, казалось, полностью потеряла к нему интерес и не реагировала на крики. Стражники распахнули дверь, внутрь ворвался поток ледяного ветра, и Дин Эр мгновенно оцепенел. Как только они собирались закрыть дверь, он отчаянно выкрикнул:

— У меня есть секрет! Я всё расскажу, ни слова лжи!

Только тогда Цзо Хунцю махнула рукой:

— Ладно, пока оставьте его.

Громилы приволокли Дин Эра обратно и швырнули на пол. Он был бледен как полотно, губы посинели, грудь тяжело вздымалась — парень был напуган до смерти.

— Дин Эр, я человек нетерпеливый и не собираюсь играть с тобой в игры. Знай, мне от тебя ничего не нужно, если только ты не сможешь меня заинтересовать и дать повод оставить тебя в живых.

Дин Эр, всё еще дрожа от ледящего взгляда Цзо Хунцю, поспешно закивал:

— Да, да, я всё понимаю.

Пылающая жаровня дала ему немного тепла. Он глубоко вздохнул и решил, что отныне с прошлым покончено.